

— НАШИ ИНТЕРВЬЮ —

САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Над народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР Владимиром Аркадьевичем Канделаки учинили суд. Это случилось прямо в день его 70-летия и 50-летия творческой деятельности. «Дело Канделаки» слушалось публично в его родном Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко, при полном зале. «Что же натворил этот юноша?» — звучал вопрос «судей». В вину вменялось то, что известный актер и режиссер, доживший до почтенного возраста, скрыл секрет своей молодости и энергии от своих молодых коллег и учеников.

Сейчас, спустя некоторое время, я думаю: а может быть, секрет и не было? И потому мой вопрос к В. А. Канделаки был таким:

— Владимир Аркадьевич, теперь, когда вас никто не собирается уже «судить», поделитесь своим секретом с нашими читателями.

— Вот молодежь... Судили за то, в чем виновниками являются сами. Знаете, мне кажется, я всегда хорошо понимаю и чувствую молодых, не ощущаю себя мудрее и старше, когда с ними общаюсь. Это помогает нам пить из одного источника — радостного восприятия жизни. Другой рецепт — юмор. Очень его уважаю.

— Наверное, исключительно из чувства уважения к юмору у вас в 30-е годы возникла идея создать совершенно неповторимый и уникальный жанр — джаз-гол...

— О, да! Джаз-гол — это была целая юмористическая эпопея. Гол — голос. Мы голосами имитировали музыкальные инструменты — трубу, саксофон, гавайскую гитару, тарелки, ударные... Прикладывали ко рту руки — вот так — и «игрели». Многие не верили, думали, в руках что-то держим... Слух у нашего ансамбля, а в нем были тогда Бунчиков, Ценин, Добролюбов, Камерницкий, Дойников, Эфрос, Художников, Гуральник, покатылся по всей Москве. И Немирович-Данченко разрешил нам выступать от имени нашего музыкального театра. Где мы только, помню, не выступали! Организуется юбилейный вечер Собинова — поем песню индийского гостя из «Садко», на вечере Неждановой — ее любимые арии. Джаз-гол стал имениным, его приглашали повсюду. Встречали папанинцев, встречали Чкалова. Выступали в разных ампулах. Пародировали музыкальные заигранные штампы, даже

перед классикой не робели. Было интересно, весело, экспериментально.

— Алма-Ата. 1942 год. Партия партнера Галины Улановой в балете «Бахчисарайский фонтан» — это тоже своего рода эксперимент?

— Пожалуй. Только уж скорее не мой, а Галины Сергеевны. Это она экспериментировала со мной. Уланова приехала в Алма-Ату, и все там стали просить, чтобы она станцевала в театре оперы и балета. Танцевать не с кем, я же в это время находился там на съемках фильма «Парень из нашего города». «Будете моим партнером?» — спросила она у меня. Я с испугу сказал: «Буду». Но больше я уже в подобных экспериментах не принимал участия.

— Пользуйте с вами не согласиться, Владимир Аркадьевич. Судя по вашей многогранной, совершенно универсальной деятельности, вы прирожденный и неутомимый экспериментатор и всю свою творческую жизнь только и делаете, что экспериментируете. Опера, оперетта, балет, эстрада, кино, режиссерская работа... Наконец, самые неожиданные перевоплощения на сцене. Простите, но я до сих пор не могу понять, кто вы — комик или трагик? В вас прекрасно уживаются Наполеон из «Войны и мира» Прокофьева, трагичный Тарас из «Семьи Тараса» Кабалевского и комичный Олендорф из оперетты «Нищий студент»...

— Я не считаю себя ни тем, ни другим. Я просто актер. «Поющий актер» — как говорил Немирович-Данченко. Актер, в моем представлении, должен

уметь многое и никогда не останавливаться на одном ампуле, особенно в оперетте — труднейшем из жанров. В 26 лет я играл 70-летнего старика в «Екатерине Измайловой» Шостаковича. И вообще всю жизнь старался не «заштамповать» себя. Это для роста актера колоссально, для выработки мировоззрения, для утверждения актерской личности. Это мне помогало в творчестве, помогает и теперь, когда мой творческий стаж переваливает за полсотню: мне не надоело, я не устал. А когда учу молодых — дает возможность не только объяснять, но и показывать.

— К такой актерской синтетичности, или универсальности, вас, Владимир Аркадьевич, привел опыт?

— И опыт, наверное, и характер. Я жизнелюб, испытываю к жизни самые разносторонние интересы. Но было при всем при том самое первоначальное заложено как в ученика — учителем, Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Я счастлив, что пятнадцать лет работал под его руководством в его театре. Даже за этот срок объять всего этого великого человека было невозможно. И если кому из нас, кто был рядом с ним, удалось взять от него частицу — уже немало. В своей деятельности я исхожу из его учения, из принципов нашего театра, который является передовым уже оттого, что впитал его дух, оттого, что служит лабораторией советской оперы. Лабораторией в том смысле, что театр первым проигрывает оперы советских композиторов на современные темы. Это его главная задача. Нам удалось привлечь к театру таких композиторов, как Шостакович, Хренников, Кабалевский, Холминов...

Еще вместе с Владимиром Ивановичем мы ставили спектакли «Буря» на музыку Т. Хренникова, «Тихий Дон» И. Дзержинского, «Даиси» З. Палиашвили, «Северный ветер» Л. Книпера.

Сам я поставил немало советских пьес.

— В течение 10 лет вы работали главным режиссером Московского театра оперетты. Вне-

сенный вами вклад в постановку оперетт «Сто чертей и одна девушка» Хренникова, «Белая акация» Дунаевского, «Весна поет» Кабалевского, «Москва — Черемушки» Шостаковича способствовал тому, что они теперь стали классикой. Этими, а также другими спектаклями в 50-е годы, собственно, был реабилитирован Театр оперетты, который, как поговаривали критики, якобы перестал отвечать требованиям жанра. Но критики — народ беспощадный, и некоторые из них продолжают по сей день утверждать, что годы оперетты сочтены, что ее «подсигивает» ее же законорожденный сын — мюзикл. Вы, обожатель оперетты и ее служитель, что на это скажете?

— Не стану отрицать, что действительно мюзикл все больше заявляет о своих правах в театре. По сути, оперетты в классическом понимании этого слова, той, кальмановской и легаровской, оперетты почти не осталось. Вы не услышите теперь развернутых арий, увертюры, широких ансамблей. Истинная оперетта ушла с уходом Дунаевского и Милютину. Ну что ж, меняется время — переходит на другие рельсы и оперетта. И если появляется на сцене хороший спектакль с хорошими актерами — какая разница для вас, как для зрителя, к какому жанру ее отнесут! Только бы появлялись хорошие спектакли и актеры! А для этого нужно... экспериментировать. Действительно, никуда не денешься от этого мудрого слова. Ведь сам театр в конечном счете есть самый интересный эксперимент.

— Спасибо, Владимир Аркадьевич. — Теперь мне ясно, отчего «судьи» на том юбилейном процессе были к вам беспощадны.

— ?

— Вы не выдали свой главный секрет, а сейчас проговорились.

— Что же я такого сказал?

— То, что секрет неуходящей творческой молодости кроется в незатейливой и сложной истине: внутренней и бесконечной способности экспериментировать...

Интервью вела
Т. КИСЛИЦЫНА.